

АЛЬБИНА ГУМЕРОВА

КИНА НЕ БУДЕТ

РАССКАЗ*

Дворянки, что жили у пруда, так и не приняли в свою стаю некогда домашнего, кудряшка к кудряшке, а теперь с уродливыми колтунами, словно вывалившимися наружу злокачественными опухолями, большого пуделя. Умер ли его хозяин, или пса просто выставили — неизвестно. Сердобольные люди собаку пытались пристроить, но никто её, взрослую и некрасивую, не брал. Так и слонялась она. И даже когда её порой угощали весёлые нетрезвые люди из летнего ресторана, она лишь нюхала и не ела — так сильна была её печаль, которая, должно быть, переросла уже в физическую болезнь.

А вот кто не прочь был полакомиться, так это утки. Сжирали всё, не боялись никого, постоянно дрались друг с другом и тюкали клювами мелких сухопутных крыс, которые проплывали мимо. Пузатый мужичок, что прибирался на пруду рано утром, имел возможность прибить хотя бы одну крысу,

---

ГУМЕРОВА Альбина родилась в 1984 году в Казани. В 2005 году окончила Казанское театральное училище по специальности “актёр русского драматического театра”. В 2006-м поступила в Литинститут имени М. Горького на семинар прозы к Алексею Варламову, в 2007-м поступила во ВГИК имени С. А. Герасимова на сценарно-киноведческий факультет, сценарное отделение в мастерскую Аркадия Иннина. Оба вуза окончила в 2012 году. Работала редактором на татарском музыкальном телеканале “Майдан” (Казань), редактором в журнале “Идель” (Казань). Публиковалась в журналах “Урал” (Екатеринбург), “Русское эхо” (Самара), “День и ночь” (Красноярск), “Звезда” (Санкт-Петербург) и других. Лауреат премии имени В. П. Астафьева, конкурса новой драматургии “Ремарка”, премий “Дебют”, “Золотой Витязь” и других. Первая книга прозы “Дамдых” вышла в 2019 году в Московском издательстве “Городец”, вторая книга — “Перед солнцем в пятницу” — в 2021-м (там же). Пьесы “Взаперти”, “Душкина дача” ставятся в театрах России. Живёт в Москве.

* Журнальный вариант

а крысы имели возможность хотя бы разок укусить мужичка, но ни человек, ни животные не вмешивались в естественное течение жизни.

Новый день на пруду начинался так: пузатый мужичок опустошал урны и собирал отовсюду мусор, заталкивал обёртки, объедки, бутылки, пивные банки, пластиковые стаканы в чёрные плотные мешки, затем мёл дорожки, деликатно не замечая крыс, а они, казалось, уважали его за это и мысленно благодарили. Недавно он бросил курить, но привычка делать перекуры осталась, и он заменял их чтением замызганной книжонки в мягком переплёте, которая лежала у него в кармане шаровар, очень, кстати, удобном, потому что карман располагался на уровне колена с внешней стороны ноги. Закладкой для книги служил обрывок пачки от сигарет — последней, которую он выкурил. Ему было непросто, но он держался. Говорил, что с соседом поспорил на большие деньги. Если выиграет, то и пить бросит, тоже на спор. Чуть позже на пруду появлялись торгошники: мороженщица, у которой, кроме мороженого, можно было купить сладкую вату, попкорн и цветных петушков на палке, хот-догщица, у которой на выбор было три вида сосисок: говяжьи, куриные и свиные, и три вида соусов: майонез, кетчуп и горчица.

А однажды к пруду привезли пузатую жёлтую бочку с квасом и совсем ещё юную девушку. В руках у неё были две “гигантские жирные гусеницы” — упаковки больших и средних одноразовых стаканов. Воздух в тот день был просто изумителен: горячий, сухой, ароматный, стояла жара, но не сказать, чтобы она утомляла, она будто ласкала всё живое, и живое откликлось и благоухало: и растения, и мокрые псы, и вспотевшие люди. И пруд, и люди вокруг были особенно расслабленные, медленные. Ленивые, пресытившиеся лебеди уже ничего не хотели, они спали, и напрасно молодые мамы с малыши ждали их с хлебом на берегу. Квадратный кусок фанеры с надписью о том, что птиц кормить запрещено, был разломан пополам. Пузатый мужик, развалившись под деревом в очередном “перекуре” с книжкой, время от времени обмахивался одним из обломков, словно веером.

Дарья, так звали девушку, которую привезли вместе с бочкой с квасом, перезнакомилась с остальными торговцами в первый же день своего пребывания на новом месте. Бочку с квасом поставили на самом солнцепёке и не дали зонта, потому Даша обречена была истечь потом и покрыться бронзовым загаром. До десяти вечера продавала она квас, а после не сразу шла домой, а сидела у пруда, попивая пиво. Ещё ей полюбили местные хот-доги, в конце дня она покупала себе один и делилась с неприкайным пуделем, который, видимо, увидел в ней нечто родное, потому что из её рук он ел и всячески к ней ласкался, лежал под её столом, когда она продавала квас, время от времени лизал пальцы ног. В эти моменты Дарья смеялась. Не потому, что ей было щекотно, а от умиления и некоторого смущения.

Смех самое прекрасное, что в ней было, истинное её украшение. Редко, когда у человека такой изумительный, искренний, задорный, чистый, колокольчиковый смех. Слово “человек” Дарье больше к лицу, чем “девушка”, а именно так к ней обращались, когда хотели купить квасу. Смеялась Даша часто, ей многое казалось смешным. Бывают такие люди, лёгкие, радостные, рядом с которыми даже глубоким старикам и старухам кажется, что всё у них ещё впереди. А потому и квас уходил у Даши хорошо.

Мирон пить не хотел, он просто сокращал путь и шёл через пруд, но услышал, как кто-то смеется, и, себя не помня, поплыл на этот смех. Некоторое время он наблюдал, как Дарья подаёт стакан, отсчитывает сдачу другому покупателю.

— Большой? Маленький? Алё? — не сразу услышал Мирон.

— Давайте сначала маленький. На пробу.

— Берите большой, вкусный квас, — не согласилась Дарья. — И у меня маленькие стаканы закончились. А нет, один остался, — и она налила Мирону, не зная пока, что его так зовут. А он не знал, что она — Дарья.

Квас и правда оказался вкусным. Пока пил, Мирон усиленно думал, как бы продолжить разговор, подольше не отходить от Дарьи, и очень хотел, чтобы она посмеялась над чем-нибудь ещё, а вот шутить он не умел.

и по природе своей был молчун. Но тут шевельнулась под столом собака, которую Мирон сначала не заметил.

— Ваш?

— Кто? А, Пафнутий... Не, здешний.

— А почему Пафнутий?

— А почему бы и нет?

— Действительно, — пожал плечами Мирон. — Очень даже похож на Пафнутия.

Дарья засмеялась, и Мирон почувствовал себя самым счастливым на свете. Будто много лет он ехал, шёл, полз и вот, наконец, добрался домой.

— А вы встречали когда-нибудь живого Пафнутия!? — спросила Дарья, когда закончила смеяться.

— Только мёртвого. — Мирон сделал паузу, надеясь, что шутка удачная, но Даше так не показалось. — Шучу. Просто этот пёс и правда похож на это имя.

— А на какое имя похожа я?

И Мирон принялся перечислять женские имена и, не смущаясь, рассматривать при этом Дашу. Одета она была просто: жёлтая майка на тонких бретельках, джинсовые шорты до колена и бежевые босоножки. Красивая, но какой-то странной красотой, будто создатель решил испытать нечто совершенно новое, пойти от обратного и смело поэкспериментировать: невысокий рост, а руки и ноги длинные, пальцы и там, и там — тоже. Глаза выпуклые, большие, выразительные, абсолютно коровьи, зелёные, наивные и хитрые тоже. Нос картошечкой, мог бы быть и поменьше. А вот грудь безупречна. Будто умелые руки скульптора скрупулёзно вылепили её. И прочие женские изгибы хороши и соблазнительны, но всё же не как у богини, а как у человека обычного. Человека простого и на первый взгляд понятного. Человека, которого ничего не тяготит, который ничем не терзается. Имя этого человека Мирон угадать не смог, а потому сдался:

— Ваши волосы такого же цвета, как шерсть у Пафнутия.

Дарья наклонилась к псу и приложила к его шерsti локон своих волос. Пёс тут же потянул к ней свою морду и лизнул нос.

— И правда, — согласилась она, утираясь. — Кваску повторить?

Мирон с сожалением отметил, что девушка, которая так понравилась ему, кажется, потеряла интерес к их общению. Он купил ещё квасу, на этот раз большой стакан, чуть отошёл от бочки, расстелил на траве ветровку, достал телефон. Непросто сказать матери, чтобы не ждала к ужину... Чуть позже Мирон купил ещё квасу, а ещё чуть позже ему пришлось потратиться и на туалет.

К вечеру воздух остыл, и стало совсем благодатно: не жарко, не холодно — парное молоко. К бочке подъехала чёрная, выдавшая виды “чепырка”, вышел из неё мужик, Даша налила квасу ему и себе. Пока они пили, Мирон наблюдал за их общением, пытаясь понять, какие меж ними отношения: рабочие или больше, чем рабочие. Была бы это его девушка, он не позволил бы ей целыми днями квас продавать... Даша сдала мужику выручку, могла обмотать пластиковые стул и стол цепью и, накинув её на бочку с квасом, щёлкнула замком и пошла прочь. Мирон выдохнул и устремился за ней.

— А где же Пафнутий? — услышала Даша за спиной, обернулась и осуждающе поглядела на Мирона снизу вверх.

— Молодой человек, если вы хотите со мной познакомиться, так давайте напрямую. Я бы вот съела чего-нибудь, при чём тут собака?! — выдала она раздражённо. — Вон туда хочу. — Она показала на ресторан. — Я туда в туалет ходила, там красиво, — уже спокойнее пояснила она.

Они зашагали вдоль пруда к летнему ресторану, Мирон предвкушал общение, а Даша — еду. Но только их усадили за стол и подали меню, Даша возмутилась:

— Почему картофель по-деревенски триста рублей стоит?! Сколько там грамм? Это же просто картошка! Я всё понимаю, но нельзя же настолько борзеть!

Пока она выговаривала официанту, Мирон робко попытался объяснить обоим, что, мол, всё в порядке, можно поужинать, но Даша перевернула страницу меню и продолжила с ещё большим градусом:

— Уток, наверно, здесь ловите? А это что несут? Вино? А чего оно такого цвета? Разбавили, что ли? Вы знаете, я всё понимаю, но это обдираловка. Ноги моей здесь не будет! — и бросила Мирону, вставая из-за стола: — Уходим!

Когда они вышли на улицу, у Даши был такой вид, будто её только что оскорбили, хотя официант слова грубого им не сказал.

— Давай съедим по хот-догу, ну его, этот ресторан. Дерут с трудящихся втридорога. Из какого фильма, помнишь?

— “Двенадцать стульев”?

— Точно! Воробьянинов, когда повёл Лизу ужинать: “Однако! Котлета по-киевски — два двадцать пять”. А тебе какой больше нравится, Гайдая или Захарова? Мне Гайдая. У Захарова как-то затянуто и нудно. Хотя Миронова с Папановым я уважаю. А вот Зиновий Гердт и там, и там закадровый текст читал. Если бы я была на его месте, я бы не стала повторять одно и то же. Даже за деньги. Это скучно и топтание на месте. Я вот прошлым летом на автомойке работала, в этом году тоже можно было пойти, но я не повторяюсь. Жизнь одна, многое надо попробовать. Должно быть разнообразие... Всё стоишь? — Это она уже обратилась к продавщице хот-догов. — Мне со свиной сосиской, соусов всех, какие есть. А тебе? — спросила она Мирона.

— А мне с говяжьей.

— Мусульманин, что ли? — улыбнулась она.

— Почему? — Мирон смутился и показал нательный крестик.

— Значит, еврей, — заключила Даша.

— Нет, я русский!

— Еврей-еврей! — поддразнила Даша. — Закопил в ресторане поужинать, потащил хот-доги жрать! — и засмеялась, и Мирон не смог рассердиться, заслушался.

Продавщица дала им хот-доги, и, прежде чем уйти, Даша пояснила:

— Мы хотели там поесть, но они обнаглели. Нельзя, ну, настолько цены задирать. Я наорала на них, и мы ушли. Пусть знают, что неправы. Конечно, цены они из-за этого не снизят, но пусть хотя бы знают, что неправы.

Даша и Мирон сели у самого пруда, быстро съели свои хот-доги и, наконец, познакомились.

— А я бы не догадалась, что тебя так зовут, — призналась Даша. — На Мирона ты не похож.

— Ты на Дашу тоже.

— Знаю. Отец так назвал. В восьмидесятые модно было. В советское время людей Дарьями не называли, потому что это имя — пережиток прошлого. Дарьями были барыни разные, владелицы крепостных душ. Имя это благородного происхождения. Не знаю ни одной Даши возраста моей мамы и бабушки. Это потом этот стереотип ушёл.

— Хочешь ещё хот-дог?

— А давай! — удивилась Даша щедрости Мирона. — А я тебя здесь подожду, покурю пока, идёт?

Мирон вернулся довольно быстро.

— Видишь, никакой я не еврей, — сказал он, подавая сосиску.

Даша опять засмеялась своим чудесным колокольчиковым смехом.

— А ты думаешь, если еврей — то скряга? Быть евреем это стыдно? Это стереотип — так думать! Если еврей — гордись этим. Сколько страданий выпало на их долю. “Список Шиндлера” — мой любимый фильм. Я бы сыграла Хелен Хирш. А “Жизнь прекрасна” смотрел? Шедевр, скажи?! Евреи все умные.

— Понимаю. И даже согласен. Но боюсь, я всё-таки русский. Кстати, мой прадед до Берлина дошёл.

— Шутишь? И мой тоже! А может, они были фронтовые товарищи? Твоего как звали?! — и она жадно вытаращила на него свои и без того огромные глаза.

В ту секунду она сделалась вдруг наивной, чистой, беззащитной, что было для неё редкостью, ибо всегда могла постоять за себя, а чаще — за других, а ещё чаще — за совершенно незнакомых людей. И Мирон увидел в ней совсем ещё девочку, вернее будет сказать, девчонку, а себя почувствовал самым что ни на есть взрослым, всемогущим мужиком.

— Мирон Петров. Меня в его честь назвали.

Даша задумалась и произнесла:

— А, не... не слышала про такого... А ты тоже Петров, выходит?

— Нет, это со стороны матери прадед. А я Поздняк.

— Поздняк?! — не поверила она своим ушам. — Это как “поздняк метаться”?

— Вроде того, — улыбнулся Мирон. — Но насколько я знаю, эта фамилия произошла от имени Поздняк. Так называли очень долгожданных, очень поздних детей.

Они то сидели возле пруда, то гуляли вокруг, в один момент Даша опомнилась: метро уже закрыто, а в такси она не ездил из принципа — повсюду ей мерещились надувательство и обдираловка, и напрасно Мирон пытался её уговорить. Они отправились скорым шагом, почти бегом до вокзала, откуда в час тридцать шесть должна была отойти последняя электричка.

— Если на неё не успею — это судьба! Пойду ночевать к тебе! — запыхавшимся голосом проговорила Даша.

Мирон пожалел, что не съехал от родителей, позволил матери сдать бабушкину квартиру, вот сейчас она бы ему очень пригодилась!

Возле вокзала Даша вдруг остановилась, переводя дух: опёрлась руками о колени и вниз смотрит, а волосы свесились, закрыв лицо. Мирон хотел поторопить, но вдруг увидел, что она смеется, но уже неприятно смеется, не как колокольчик, а будто по-злому и над ним, а сама вот-вот превратится в чудище.

— Мне не надо на электричку. Точнее надо, но не сегодня! Захотелось пробежаться просто. Помнишь, как “Вокзал для двоих” заканчивается? Гурченко и Басилашвили бегут, в снегу тонут, а потом он на гармошке играет, чтобы его услышали охранники. Пробежались отлично, правда? Самое то перед сном!

Но Мирон с нею не согласился. И пока он соображал, что ответить, Даша вдруг бросилась ему на шею, точнее, до шеи она не достала, а уткнулась почти что в живот — Мирон был очень высок. Она обняла его, опять же больше как девчонка отца, а не женщина мужчину, хотя они оба были так молоды, что “женщину” лучше заменить на “девушку”, а “мужчину” на “парня”. Но в случае с Дашей, которой больше всего подходит слово “человек”, будет вернее сказать, что один человек крепко обнял другого человека, впервые за вечер.

— Но если бы не электричка, разве бы ты побежал? Побежал бы?

Мирон тоже её обнял, как-то растерянно, но крепко. Он хотел уткнуться ей в макушку, но для этого пришлось бы приподнять Дашу, а он не мог — она прижалась к нему и застыла, думая о чём-то, похоже, важном, и он не решился тревожить её.

— А может, тебе и правда Пафнутий нужен был, а не я?

— Нет, ты.

— Это хорошо! — обрадовалась Даша и отошла от Мирона. — Хочешь, ко мне ночевать пойдём? У тебя сотовый есть? Давай сюда, я звякну кой-кому.

— Может, я провожу тебя, а завтра опять увидимся? — предложил Мирон, доставая из кармана телефон. Только-только вышел Siemens A50, и он его себе купил, даже номера ещё не все внёс.

— У тебя девушка?

— У меня мама, которая волнуется... — И он увидел четырнадцать пропущенных звонков.

Мирон приложил телефон к уху. Разговаривал с матерью вкрадчиво, заверил, что вызовет официальное такси, а не просто поймает “мотор”, и что тёмными дворами ходить не будет, а дверь откроет своим ключом.

Как только он закончил разговор, Даша схватила его за руку и увлекла наперерез проезжей части на красный свет. Мирон ошалел, но поддался, и только когда они оказались на противоположном тротуаре, отчитал Дашу за беспечность, неосторожность, на что она ответила:

— У меня ангел-хранитель сильный. Я уже много раз и под электричку чуть не попала, и вообще...

— Звонить не будешь? — спросил Мирон, убирая телефон в карман.

— Ничего, так придём. У меня там своя комната есть. Мне подружка пожить разрешила. Пока я тут работаю. Чтобы домой далеко не ездить. А тут пешочком полчаса пройдёт — и уже на пруду.

Но когда они подошли к подъезду, Даша сказала вдруг:

— А знаешь... Езжай-ка ты лучше домой. Лето закончится, я тоже смогу кушать себе сотовый, будем созваниваться. Я спать, а то завтра с утра опять квасить идти, — и она ловко нажала три кнопки на дверном замке и скрылась в подъезде. Дверь громко за ней хлопнула.

Мирон присел на лавку и закурил. Казалось, сама Даша не успевает за своими эмоциями, а Мирон и подавно. Он даже не пытался объяснить такую смену настроений и успокоился тем, что, по крайней мере, знал, где Даша работает и где живёт. За вечер, проведённый с ней, он испытал самые разные чувства, много раз впадал в неприятное для мужчины состояние, когда совершенно не понимаешь, что происходит, не контролируешь ситуацию. Даша так запала ему в душу, может, конечно, временно, но этот чистый, весёлый смех, это детское выражение глаз и подобную прямоту, бесстрашие и в то же время беззащитность он не встречал ни у одной девушки.

Но самое поразительное было не это. А то, что в этом дворе Мирон знал каждую лавку, каждую трещинку в асфальте. Родители часто привозили его к бабушке, ныне покойной. Бабушка, в отличие от матери Мирона, разрешала не доедать супа, набивать карманы горохом — это отличные пули для рогатки, а самое главное, она разрешала подолгу играть на балконе с прищепками, дохлыми сухими мухами, идеально круглыми и блестящими крышками для закатки, в которых так красиво отражалось солнце, и не ругалась, если Мирон высовывал голову и плевал вниз. Ему правилось, как плевков, пролетевший пять этажей, глухо шлёпается на асфальт. Только одно у бабушки было правило: спать ложиться ровно в половине десятого. И вставать не позже семи утра. “Бог ничего тебе не подаст за ранний подъём. Но помни: встанешь поздно — день пустой проведёшь. А таких дней за всю жизнь, знаешь, сколько набегит?” И телевизор смотреть баба внуку разрешала только тридцать минут в день. А в остальном — полная свобода. И если случались конфликты между детьми во дворе, и другие родители приходили жаловаться, бабушка Тамара никогда не бранила внука. Она выслушивала и отвечала: “Хорошо, я с ним поговорю”. А когда ябеды-корябеды уходили, баба Тамара Мирона хвалила: “Молодец. Давно пора было надрать ему зад. А мать его... сказала бы я тебе...” — Она гордилась тем, что её внук настоящим мужиком растёт. Дерётся. Ну, пытается... И не хотела этого пресекать. Правда, Мирон скорее был бит, чем бил сам, но всё равно бабушку радовало, что внук не убегает прочь и не жалуется ей, а пытается сам всё решить. И для Мирона проводить лето в душном городе близ вокзала было милее, чем на тесной даче. Бабушка Тамара надолго квартиру без присмотра не оставляла и больше маялась на природе, чем отдыхала...

Вдруг сверху Мирон услышал голоса, и один из них был уже ему знаком и полюбился. Он чуть отошёл от подъезда и задрал голову: так и есть, Даша и ещё какая-то девушка весело болтали на балконе и, кажется, чем-то хрумкали, вроде чипсов. Молодой человек хотел было подать голос, но быстро передумал. К тому же он был уверен, что Даша будет рассказывать о нём своей подруге, и опасался услышать что-то неприятное, а потому поспешил углубиться во двор, где тьма его скрывает. Он не хотел пока терять чувство влюблённости, взволнованности. Мирон был приятно удивлён, что

Даша находится в квартире, где прошло его детство, где он рано засыпал и рано просыпался. И почудилось ему, что в этом есть бабушкино благословение — в Бога он, как и его прапраматерь, не верил. Но перед развалом Союза бабушка отвела внука в храм, крестила его и крестилась сама, на всякий случай: “А вдруг Он есть? Пусть в толпе товарищей узнает своих”. А когда в двухтысячном бабушка умирала в своей постели, она шептала “Отче наш” — единственную молитву, которую выучила на всякий случай. И обещалась после смерти присниться внуку, как только разузнает, что там и как на том свете устроено, как следует вести себя при земной жизни, чтобы лучше устроиться на небесах. И наказывала Миرونу носить крестик, ложиться рано и рано вставать — только так можно запомнить сон, “а в нашем случае — пошаговую инструкцию!” — и хохотала, уверяя, что прожила хорошую жизнь и ни о чём не жалеет, а глаза у неё были грустные-грустные...

Но со смерти бабушки Тамары прошло уже три года, а она так ни разу и не приснилась Миرونу. Должно быть, всё летала и узнавала, как и что там на Небе. Мирон огорчился, что баба Тома не снилась, как обещала, и всё больше увлекался своей жизнью, бывало, что поздно ложился, много часов подряд смотрел телевизор или сидел за компьютером. Давно уже не плевал с балкона вниз и не набивал горохом карманы...

На следующий день Мирон решил не приходить на пруд. Он очень хотел видеть Дашу и даже кваску бы выпил, но припомнил слова поэта: “Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей”. А сказать, чтобы он нравился девушкам, нельзя: слишком застенчив, скромн, хорошо воспитан, а из вредных привычек — только курение. Он уже обжигался — беззаветно начинал ухаживать, старался заслужить любовь, именно хорошее отношение, а не секс, и становился неинтересен, или им начинали откровенно пользоваться. Мирон умел делать выводы и старался на одни и те же грабли не наступать. Да и нужно было выработать стратегию по приручению. Мужчина, в отличие от женщины, точно знает, чего хочет. А он хотел этого человека рядом с собою, хотел любви от этого человека: странного, непредсказуемого, хамоватого, гневливого, человека с повышенным чувством справедливости, несуразно сложенного и с чудесным, ласкающим слух смехом. Тот, кто так смеётся, просто не может быть плохим человеком.

Даша удивилась, что Мирон не пришёл. Зато Пафнутий присутствовал при ней весь день. Но она раздражалась и на него, и на покупателей, которых из-за пасмурной погоды было меньше обычного. В конце дня Даша на себя страшно разозлилась, потому что весь день прождала малознакомого парня, который ей не слишком понравился как мужчина, но почему-то её к нему потянуло, но не этим самым местом, как это обычно бывало, и не сердцем даже, а чем-то ещё... Будто промокла она, замёрзла, до самых костей продрогла, оголодала и восемь лет не спала, а Мирон — затопленная печь: в ней и похлёбка горячая, а сверху перина мягкая, а главное — тихо, ласково, тепло, надёжно и... скучно. Так у Даши ещё не было. А было всегда нервно, суетно, тревожно, грубо, непредсказуемо. Даша вдруг поняла, почему не гнала от себя Пафнутия: лохматый, грязный, неприкаянный, он был очень похож на отчий дом Даши. Хотя отца своего Даша не помнила, она не знала его ласки, не знала, как он пахнет. Но этот брошенный кем-то пёс казался ей почему-то родным. Но несмотря на явную симпатию к собаке, Дашу устраивало, что они общаются на пруду возле бочки с квасом, и она не испытывала желания забрать его в свою жизнь.

После работы она долго не уходила с пруда, всё общалась с другими торговцами, которые из-за особой свежести вечера не желали разбредаться по домам, всё сидели, дышали, будто в последний раз. Даша не носила побрякушки, но набрала у общительного мужика всякого, распихала по карманам. Купила избранные стихи Блока у книжника и впервые сходила в туалет за деньги. А вот за хот-дог, тоже впервые, платить отказалась: то ли тесто показалось сырым, то ли хотелось ей основательно проораться. После ссоры с продавщицей хот-догов, с которой они раньше ладили, Даше немного полегчало. Но сосиску она всё равно скормила Пафнутию, а булку — уткам,

сама оставшись голодной. Пафнутий увязался за нею почти до самого дома, хоть Даша и гнала его.

Дверь Даше не открыли, но она предусмотрительно взяла с утра второй комплект ключей. Раковина ломилась от грязной посуды, бедная занавеска висела на трёх петельках и некрасиво провисла в середине. Дышать было неприятно, особенно после улицы, и Даша распахнула окна. Налетело комарьё, фумигатор был в розетке, и в нём уже которые сутки бесполезно поджаривался кусок картона. Хотелось есть, но приготовить было не в чем, да и нечего, так Даша и легла. Но в глубокий сон отойти не смогла, всё чесалась да материлась. Пробовала включить свет в прихожей, чтобы писклявые улетели туда, — не помогло. Задремала Даша лишь под утро, но очень скоро её разбудил дверной звонок. Даша резко села в кровати, звонок повторился. Она осторожно прокралась в прихожую и заглянула в глазок. С той стороны стояла обеспокоенная женщина средних лет. Женщина позвонила ещё раз, затем достала из сумки ключи. Даша метнулась обратно в свою постель. Дверь открылась, женщина вошла.

— Светлана! — позвала она Дашину подругу. Даша услышала, как женщина разувается.

— Доброе утро! — громко поздоровалась Даша.

— А где Светлана? — женщина остановилась возле порога комнаты и удивлённо глядела на Дарью.

— Уехала, должно быть.

— А вы кто?

— Подруга. Она разрешила мне здесь ночевать. Я на пруду квас продаю. Домой ехать далеко.

Женщина прошла в кухню.

— Вы не подумайте, здесь не всегда так. — Даша уже догадалась, что это хозяйка квартиры. — Я просто устала вчера. Я и полы тут мыла. И, кстати, на балконе прибралась. Хотите посмотреть? Давайте я кофе сварю? С утра там особенно хорошо, пока солнца нет.

— А когда Светлана вернётся?

— А вы позвоните.

Женщина, почуввав что-то, отправилась в соседнюю комнату, и через секунду оттуда послышался приглушённый стон. Даша вошла и увидела распахнутые пустые шкафы.

— Вы знали? — спросила женщина. — Даю вам час на сборы, — и забрала из её рук турку.

— Зря вы так. Я за Светку отвечать не могу.

— И не надо. Я прошу вас уйти из моей квартиры! — И женщина принялась прибираться.

Даша быстро собрала свои немногочисленные вещи и уже хотела было уйти, как вдруг ей пришла в голову блестящая мысль:

— Как ваше имя? — обратилась она к женщине. — Чем докажете, что это ваша квартира?

Документов на квартиру, разумеется, у неё с собой не было. Не оказалось и паспорта, чтобы сверить данные договора. Даша приготовилась было нападать дальше, но женщина смягчилась и даже с уважением поглядела на Дашу, похвалила её за бдительность и приняла приглашение выпить кофе на балконе. Даша воодушевилась, радостно помчалась варить кофе, но пока стояла возле газовой плиты, потеряла интерес и к кофе, и к женщине, и к этой квартире.

— Я тут подумала: какое мне дело? Светка про свой отъезд не сказала, подставила, получается. Я на работу пошла, — сказала она, бросила на столик ключи, взвалила на плечи свой рюкзак и отправилась на пруд.

На следующий день выручка была хорошая, настроение тоже. Чтобы успеть на электричку, Даша свернулась пораньше. Про Мирона она в тот день не вспомнила.

А он, узнав, что квартира бабушки Тамары освободилась, сказал матери, что хочет жить сам, и она это не одобрила. Но они сумели договориться, что в одной комнате будет обитать сам Мирон, а вторую сдаст приличному

человеку. Мать это устроило, хотя она всё же не хотела отпускать сына, но согласилась, что ему нужно приучаться к самостоятельности, а впрочем, она просто послушалась своего мужа. К тому же квартирные деньги были для расходов Мирона, если он готов обходиться суммой поменьше — флаг ему в руки. Про Дашу Мирон решил умолчать, хотя по рассказу матери понял, что именно её она видела, и Даша его матери не понравилась. Он надеялся, что матери не понравилась сама ситуация, а не человек.

Мирон заготовил ленточку с мешочком, в котором лежал пластмассовый ключ и записка с номером сотового телефона, пришёл на пруд, убедился, что Даша там, но на глаза ей не показывался, а выслеживал Пафнутия. Молодой человек и сам не вполне понимал, какому такому плану следует, почему просто не подойдёт с цветами и не скажет прямо. Вероятно, он опасался отказа и хотел немного побыть взволнованным, хотел надеяться на взаимность... К Мирону подошёл Пафнутий. Мирон приласкал его, угостил чипсиной и привязал на шею ленточку с мешочком. Он был уверен, что Даша, когда пёс подойдёт к ней, непременно проверит, что это висит, и найдёт возможность позвонить...

Но прошло два дня, звонков не было. И Мирон решил, что лента затерялась в шерсти, Даша её не заметила или же потеряла интерес к собаке, никак её не ласкала. То, что Пафнутий совсем не подходил к ней, — такой мысли Мирон не допускал. Он пожалел, что оригинальный способ сдать девушке квартиру, а далее сблизиться с ней, не сработал.

А когда Мирон снова пошёл на пруд, не нашёл там Даши. Напрасно он расспрашивал других торгашей — никто не знал, куда она подевалась. А у бочки с квасом сидел тот самый мужчина, хозяин бизнеса, которого Мирон видел в день знакомства с Дашей. Молодой человек в который раз попытался дозвониться до бывшей квартирантки, но телефон Светланы был по-прежнему недоступен. Оставался только мужик возле бочки.

Некоторое время Мирон набирался смелости, выкурил три сигареты, подошёл.

— Большой? Маленький? — спросили у него.

Мирон принялся отсчитывать мелочь, руки его предательски дрожали. В ту минуту он презирал себя за трусость, хотя если бы он прислушался к себе, то понял бы, что не мужика боится, а боится ничего не узнать о Даше и никогда больше её не увидеть.

Мужик налил Мирону большой стакан. Квас показался не таким вкусным, как при Даше, но Мирон всё равно пил и нахваливал.

— Тут... пёс ходил. Лохматый такой. Не видели?

— Твой, что ли?

— Да, — соврал Мирон.

— Его Дашка вроде себе взяла.

У Мирона забилося сердце.

— Дашка? Какая Дашка? А! Девушка тут квас продавала. Она?

— Ну...

— И как её найти?

— А никак! Собаку она тебе не отдаст. И мне денег тоже. Такой характер.

— Каких денег?

— Обычных! Русских. Налево квасила. И я уволил.

Мирон растерялся и пил квас, не отходя от мужика.

— Вроде лицо честное... Я ж покупал у неё.

— Много ты понимаешь... Тебе Дашку надо? Или собаку?

— Собаку, конечно! Отец сам не свой. Люди сказали, здесь видели.

И мужик продиктовал Мирону домашний телефон Даши.

Мирон поблагодарил и скоро пошёл вдоль пруда в сторону своей квартиры. Но не успел он отойти и пятидесяти метров, как за спиной послышался свист:

— Э! Стой! Этот, что ли? — мужик, грубо волоча собаку, двигался в сторону Мирона.

— Да! — как можно радостнее ответил Мирон и тут же проверил шею — ленты не было.

И пришлось Пафнутия с собой взять. Молодой человек надеялся, что доро́гой пёс отстанет, но он дошёл до дома и с радостью поднялся в квартиру. Мирон сперва дал ему пару кружков колбасы, затем набрал в ванну немного воды, поместил туда собаку и долго мыл её, то и дело натываясь пальцами на колтуны. Пафнутий скулил, рычал, время от времени отчаянно лаял, но давал себя тереть, и Мирон его зауважал. Вода под псом сделалась черной, а когда Мирон ее слил, вся ванная была полна песку и шерсти. Пафнутий несколько раз смачно отряхнулся, брызги во все стороны полетели. Мирон вывел своего питомца в прихожую, бросил на пол старое покрывало и велел собаке обсыхать на нём, а сам принялся отмывать ванну. А когда вышел, обнаружил, что Пафнутий подсох и стал похож не то на большую овцу, не то на облачко, подсвеченное солнцем, не то на стог соломы. Мирон взял было ножницы, чтобы выстричь колтуны, но не решился — слишком близко к коже, побоялся поранить. Решил, что пока и мытья достаточно.

Набрал домашний номер Даши — длинные гудки, и никто не отвечает. Сварил суп, поел сам и накормил Пафнутия, набрал номер снова. И опять тишина. Мирон вывел пса на прогулку, надеясь, что тот от него сбежит, но собака не отходила от хозяина и, кажется, понимала его состояние...

На следующий день Мирону пришло в голову, что телефон Даши могли отключить за неуплату, и он сходил и оплатил номер. Звонил. Оказалось занято. Мирон обрадовался было, но потом снова никто не брал трубку. Его терзало то, что он, увлечённый поисками Даши, совсем не вспоминает бабушку Тамару, и казалось ему, что она находится в этой квартире и осуждает его. Решил пока вернуться к родителям, которые, на его удивление, одобрили Пафнутия, похвалили сына за решительность и ответственность.

Лето заканчивалось, деньги тоже, пришло время искать квартиранта. Мирон собирался присмотреться к иногородним первокурсникам и предложить одному из них, но его опередила мать.

— Ты Леночку помнишь? Она ещё после тебя на твоём велосипеде каталась. Комнату ищет.

— Зачем? У них же большая квартира.

— И у нас не маленькая. Однако ты съехал.

В последних числах августа Леночка явилась с двумя большими дорожными сумками.

— Ещё две внизу! — весело сообщила она, и Мирон пошёл за оставшимися.

Леночка, казалось, предвкушала что-то грандиозное, она так и светила, так и рвалась сразу во все стороны, и ничем угомонить её было нельзя. Она не согласилась на маленькую комнату, которую Мирон предполагал сдавать, и занесла вещи в просторную, в которой обитали Мирон с Пафнутием. Пришлось уступить.

Скромницу будто подменили: вырвавшись от родителей, она сразу же завела себе парня, с которым они подолгу занимали ванную и не всегда закрывали дверь в комнату, а после курили на кухне и радостно трепали Пафнутия, который им обоим не нравился.

Мирон заставил себя учиться, смирился с тем, что Дашу ему уже не найти, лишь время от времени набирал номер её домашнего телефона и долго слушал длинные гудки.

Ближе к зиме Леночка с парнем вернулись злые и ругались друг с другом. Мирон пытался писать курсовую, закрыл дверь в комнату, но ворвалась Леночка вся в слезах и требовала, чтобы Мирон их рассудил. А дело было вот в чём: молодые люди зашли в кафе, заказали пиццу. В пицце оказался волос. Позвали официантку, а она вместо извинений заявила, что это волос самой Леночки.

— Да как же мой, как же мой, если он был запечен в сыр! А не сверху лежал! А она мне: вы просто хотели поесть на халяву. А этот сидит

и молчит! — И она со злостью пнула своего парня, да так, что сама же схватилась за большой палец ноги.

— Я же с девушкой драться не буду!

— Да кто тебя драться просит? Надо было просто словами на место поставить! Он же ещё заплатил за пиццу, которую мы не ели! Как бы ты поступил?!

Мирон отвечать не хотел, но Леночка настаивала.

— Я поступил бы так же. И спокойно пошёл бы в другое кафе.

— Сговорились! — прошипела Лена и выставила своего парня, который несильно сопротивлялся.

Лена выпила вина и без разрешения взяла сигарету Мирона. Курить она не умела и закашлялась. А после попыталась Мирона соблазнить. Он поддался было, и всё бы произошло, но Лена всё ругала и ругала официантку, называла её рыжей мочалкой и кривоногой лупоглазой дурой. И Мирона вдруг озарила догадка: он буквально отпрыгнул от своей соседки и почти крикнул:

— Лена! В какое кафе вы ходили?!

Лена, думая, что он собирается мстить за неё, тут же утёрла слёзы и прикрыла грудь.

— Ну там... новое открылось. Возле рынка. “Пицца love” вроде бы.

Мирон мгновенно оделся, растормошил спящего Пафнутия и помчался с ним по тёмной улице.

Добежав до кафе, молодой человек сперва заглянул в окно, но виден был только один стол и часть барной стойки. Мирон и его пёс вошли. Пафнутий тяжело дышал, вывалив язык. Мирон ожидал, что ему сделают замечание, но его усадили за стол, а Пафнутий покорно лёг рядом, ноздри его раздувались от запаха еды.

И тут подошла Даша.

— Выбрали? — спросила она, уткнувшись в свой блокнот.

От смущения Мирон заказал пива. Долго пил его и наблюдал за Дашей: как она передвигается по залу, уносит грязную посуду и выносит заказы. Выходит, Мирон не запал ей в душу, раз она не узнала его. Может, не стоит тогда и напоминать? Не признала она и Пафнутия, который вдруг зарычал из-под стола, вскочил и принялся лаять на вошедшего нетрезвого мужчину.

— Пафнутий, фу! — громко скомандовал Мирон.

Даша резко обернулась, и пустые стаканы, что несла она на подносе, полетели и звонко брызнули на полу. Она сделала шаг в сторону Мирона, он вскочил из-за стола, стол пошатнулся, и пиво разлилось.

— Поздняк метаться?!

И оба засмеялись и были счастливы в ту минуту, хотя все вокруг суетились: убирали осколки, протирали лужу, пытались вывести мужика. Пафнутий продолжал голосить, Мирон, расплатившись, поспешил выйти. Он долго ждал Дашу, на всякий случай обошёл здание и убедился, что служебный вход тоже ведёт к центральному воротам. Мирон замёрз и очень сожалел, что дома у него зарёванная пьяная Леночка и что Дашу никак нельзя туда привести сегодня, а так хотелось.

— Зацени полушубок! — услышал Мирон и обернулся. Даша стояла в вязаной шапочке, из-под которой выбивались её пшеничные волнистые волосы, и бежевом мутоновом полушубке. — Это я за лето заработала. Теперь у меня есть своя шкурка, и я не мёрзну. Хотела каракулеву, чтобы с кудряшками, но когда узнала, как их делают, решила: пусть уж мутоновая. Нормально же смотрится?

— Я в этом не разбираюсь, но, по-моему, хорошо. Тепло, главное.

— А каракуль, чтобы ты знал, производят из нерождённых ягнят. Беременную овцу убивают, вспарывают ей живот и достают оттуда ягнят. Сдирают с них шкуру. Вот тебе и кудряшки. Я бы на месте женщин устроила бойкот всем этим шубам, кроме мутоновых, потому что баранов или, например, кроликов, так и так убивают ради еды. Ну и шкурам — не пропадать же.

Даша присела перед Пафнутием и приласкала его, а он лизнул её в нос, и она засмеялась, а Мирон почувствовал, как счастье, словно хмель, разливается по всему телу.

— Другое дело — когда ягнят или диких животных, которых не для еды, а только для шубы. Это подлю. Если бы их никто не покупал — прекратили бы и охоту. А учиться я опять не поступила. Не все же актрисы должны быть красивыми! А старух, а ведьм кто играть будет? Тебе в какую сторону?

— Мы с Пафнутием тебя проводим.

— Тогда нам на вокзал.

И они отправились. Пёс бежал впереди, будто проверял для них дорогу на предмет безопасности.

— Это хорошо, что ты его к себе взяла. Я бы тоже взяла, да у нас он не выживет. Это мы с мамой привыкшие.

— А что у вас?

— Брат.

— Пьёт?

— Он молодой ещё, а выглядит, как старик. Кстати, у меня фронтового деда нет. Дед-то есть, но был ли на фронте, не знаю. Я и отца не застала. Я бы очень хотела гордиться кем-нибудь из нашей семьи. Но кем? Только мамой, если. Она хороший математик. Но опять же — брат. Его одного не оставишь — квартиру спалит. И учеников дома принимать она, понятно, не может, а я на работе. И решает впустую задачки, просто, чтобы мозги не умерли. Вот мы и пришли.

Они вошли в здание вокзала. Мирон направился к пригородным кассам:

— Тебе до какой станции?

Даша схватила его за руку.

— Вот ещё! Я быстро бегаю. И так поздно они не ездят.

— Да мне несложно... Деньги есть, — попытался возразить Мирон.

— Это моя принципиальная позиция!

— А контролёр на входе?

— Просто пройду, и всё. Многие меня уже знают, не связываются.

Они и правда прошли мимо женщины, которая проверяла билеты, на платформу. Узнала ли она Дашу или просто плохо делала свою работу, неизвестно. Но Мирон от смущения все же произнёс едва слышно:

— Я только проводить...

На платформе работал киоск, и Даша купила себе бутылку пива в дорогу.

— Даша. Я квартиру снимаю. Сосед через неделю съезжает. Хочешь со мной снимать? И ездить не придётся. Комната хорошая и недорого.

Даша пожала плечами.

— Можно. Но у меня доход нестабильный. Я задерживать буду.

— Это ничего.

Объявили Дашину электричку.

— Как мне тебя найти?! Ты купила себе телефон?

— Все деньги на шкурку ушли! — Она похлопала себя по животу. — В кафе приходи, я два через два работаю.

Глядя вслед электричке, Мирон понял, что в очередной раз сглупил, что не поехал с Дашей. Это же было так очевидно! Уж вернулся бы как-нибудь. Но чем горевать, нужно придумать, как избавиться от Леночки.

Когда Мирон вернулся, она была совершенно пьяная. Можно воспользоваться этим, но Мирон человек не подлый. Потому решил, что утром просто попросит её съехать. Леночка пыталась дозвониться своему парню с телефона Мирона, потому что на её номер парень не отвечал, настроила кучу смс, высадила батарейку, швырнула телефон о стену и заметалась по квартире, словно одержимая бесами. Мирон запер Пафнутия в своей комнате, кое-как утомил Лену, она кричала, что всех ненавидит, что с ней так нельзя, и билась об пол, словно живая рыба на сковороде. Вскоре вырубилась, и даже громкий лай собаки не разбудил её.

Мирон долго не мог найти сим-карту, ползал по полу, исследуя каждый сантиметр. Оказывается, она попала в кроссовок, оттуда и блеснула. Он собрал телефон, подключил к зарядке. Телефон включился, но от удара треснул его экран и не держалась задняя крышка, пришлось замотать изолентой. Жалко телефон, совсем недолго Мирон успел им попользоваться. У Леночки

была Motorola C205, Мирону эта модель не нравилась — слишком противный звук звонка и жёсткие кнопки, скорее всего, он откажется, когда Лена, устыдившись своего пьяного поступка, предложит Мирону свой телефон. Несмотря на поздний час, позвонила вдруг мать, но кнопка с зелёной трубкой на разбитом телефоне никак не реагировала при нажатии. Тогда, чтобы не волновалась мать, Мирон перезвонил ей с телефона Лены. Ябедничать молодой человек не хотел, но и врать не умел... Мать решила, что такая неуравновешенная сноха им ни к чему.

Утром родители Леночки приехали и забрали её. Они не оставили ни телефона, ни денег за комнату. Вот так Даша, сама не подозревая, освободила себе место в квартире рядом с чудесным человеком.

Через два дня Мирон пошёл в “Пиццу-love” забирать ту, которую почему-то полюбил, — больше он уж не сомневался и точно знал, что любит, и готов был на всё, только бы Даша была счастлива, и чтобы он был рядом и по возможности любим. Когда они подошли к дому, Даша удивлённо приподняла брови. А когда вошли в квартиру, Даша засмеялась, легла на пол и замахала ногами, а вскоре раскинулась звездой и долго смотрела на люстру. На одном из плафонов поблескивал фрагмент мохнатой новогодней мишуры.

— Ты не поверишь! — восторженно восклицала Даша, а Мирон смотрел на неё и улыбался.

В ту ночь всё у них и случилось. Мирон был серьёзен, волновался, боялся не понравиться, старался, а Даша веселилась, словно ребёнок, с которым произошло настоящее чудо. Будто голодный дорвался до пищи, до лакомств, настоящих яств и вроде растерян и полон страха, но желание жизни, жажда счастья всё же сильнее. И Даша, себя не помня, бросилась в эту радость, отдавалась отчаянно, будто в последний раз. Мирон собою остался доволен и ещё крепче полюбил эту несуразную, непредсказуемую девушку, к которой больше подходит слово “человек”.

После их первой и очень яркой близости Даша погрузилась в тёплую ванну. Время от времени высовывала из воды то одну ногу, то вторую, осматривала, высовывала руки, глядела на свои пальцы, будто пыталась понять, что такого прекрасного увидел в ней Мирон. Она и забыла, каково это не наспеш мыться, а млеть и расслабляться, не ходить на цыпочках, не разговаривать шёпотом. А если брат не спит — всегда быть готовой обороняться. Обычно словом, конечно, — брата несложно было припугнуть, и он затихал на время. Но бывало, что приходилось и огреть чем-нибудь его или его дружков.

Даша-то вырвалась, кажется, из несладкой жизни, а как быть с матерью? Не оставлять же одну с таким сыном. Да и жаль, что её умная голова пропадает. Ну, это следующий этап, не всё сразу. И без того лотерейный билет вытянула. И ещё Даша, которая хоть и была наивна, но всё же хитра, отметила: Мирон не смотрится чужеродно в этих стенах, он — будто одно целое с квартирой. Светка совсем по-другому смотрелась здесь.

Пока она нежилась в ванной, Мирон сообразил ужин. Даша отдала деньги за комнату, о своей догадке решила пока умолчать. Она думала, что Мирон хочет её проверить: полюбит ли она его просто так? Но совсем не это было у него в голове: он предположил, что если они будут на равных, Даше будет психологически легче, проще здесь жить.

— А ты как эту хату нашёл? По объявлению?

— Ну да.

— И как тебе хозяйка? — спросила Даша, вдруг понимая, что, скорее всего, она мать Мирона.

— Да никак... обычная... — Мирон сошёл с лица, ему было физически тяжело переносить враньё. И своё, и чужое. Даша отметила это и поняла, что если они будут вместе, он ни за что в жизни не станет ей изменять и как-то ещё обманывать, что-либо недоговаривать, и улыбнулась, словно сытая лиса.

— А я её тоже видела. Симпатичная женщина. Молодо выглядит. Хотя и сердитая. Но и Светка хороша, конечно! Мне бы тоже не понравилось, если бы меня на деньги кинули. Я, кстати, так и не знаю, где она.

Даша доела румяную куриную ножку и косточку скормила Пафнутию. После помыла посуду. А потом ушла к себе в комнату, чем немного озадачила Мирона, — он думал, что спать они будут вместе.

Через несколько дней Даше наскучили покой и тишина, наскучил Пафнутий, наскучило обожание Мирона, которое он был не в силах скрывать, и его готовность на всё ради неё. Она не была женщиной-хищницей, мечтавшей хорошо устроиться в жизни, не была хапугой, не мечтала об удачном замужестве. Благо работала она два через два, и в свои выходные уезжала домой.

Мирон ждал, когда Даша пригласит его поехать с нею, он хотел ясности: вместе они или просто разнополюсы соседи с играющими гормонами. Он понимал, что может залобить, такое уже было... Девушки сбегали, в юности ведь многие предпочитают “плохих парней”. А потому Мирон молчал, ни на чём не настаивал, вопросов не задавал, и они просто жили, смотрели кино, ели, гуляли с Пафнутием и подолгу занимались любовью. И однажды Даша, обычно весёлая, радостная, громкая, раскрылась иначе: стала слишком медленной, подробно и странно исследовала всего Мирона, с головы до ног. Он был удивлён, растерян, но давал изучать себя. И в один момент почувствовал на теле своём влагу и понял, что это слёзы Даши, что их всё больше и что она их стыдится, себя подобной — беззащитной, печальной — стыдится, но остановиться не может. Мирон слегка приподнялся к ней навстречу, коснулся волос, и Даша обняла его руками и ногами, вся прижалась к нему, как в тот летний вечер, когда они познакомились. Мирон почувствовал, что не нужно спрашивать, не нужно и успокаивать — надо просто быть с ней, держать её и ждать. И даже не ждать, а запоминать её такую: маленькую, искреннюю, беззащитную. Но вскоре он не выдержал и тоже начал сначала целовать её, держа за голову, отчаянно тонул в ней, отпустил себя, наконец, — уйдёт так уйдёт, но сейчас он не пойдёт против своей природы — будет любить, отдавать себя, показывать свою готовность к любым трудностям. И слова тоже он не сумел удержать в себе, стал говорить, что любит, и чувствовал, как она вздрагивает всем телом, будто не хочет принимать, не верит, боится или ещё что...

И Мирон не заметил, но Даша в один момент вышла из своего уязвимого, внезапно обрушившегося на неё состояния и с самым обычным любопытством наблюдала на Миронем и вдруг остановила его неистовство. На мгновение он показался ей маленьким перепутанным мальчиком, и она предложила погулять с Пафнутием, которого они для простоты стали называть Пифом.

Пока одевались, Даша умудрилась поссориться: она споткнулась о ботинки Мирона и принялась бранить его, как настоящая сварливая жена, что он разбрасывает вещи, не вытирает ноги, прежде чем зайти. Мирон робко пообещал, что будет аккуратнее, хотя Даша ждала от него крика или лёгкого рукоприкладства. Некоторое время ходила по улице молча, будто её обидели, Мирон с Пифом покорно семенили следом. А когда они дошли до соседнего двора, Даша увидела, как группа подростков грубит и откровенно потешается над маленькой старушкой, которая вышла сделать им замечание за то, что те шумят. Даша подошла к ним.

— Дай-ка и мне пиваса, — и пока парнишка успел что-либо сообразить, она взяла из его рук бутылку, перевернула её, пиво полилось ему на ноги. Он отпрыгнул. — Ой, какая неприятность! Дети, идите спать! Рано вам пиво пить. — И в следующую секунду она, держа бутылку за горлышко, стукнула о кованую спинку лавки и направила остриё осколка на подростка. — Ты чё на бабку орёшь, мразь! Тебя кто воспитывал?! А ну, шуруйте отсюда! И не мешайте людям спать. А то милицию позову!

И Даша выбросила бутылку в урну. Оскорблённый парнишка, чтобы реабилитироваться перед друзьями, достал остаток бутылки и пошёл на Дашу. Старушка вскрикнула, Мирон кинулся было к Даше, но она выставила руку в сторону и приказала:

— Стой! — А сама с места не сдвинулась.

И было это так произнесено, что Мирон невольно остановился. Пафнутий зашёлся в лае, охрип почти, но раз ему не приказано, тоже не двигался

с места. Парнишка держал острёе бутылки у Дашиного лица, а она просто смотрела в его глазёнки и приговаривала:

— Давай, трус! Ударь женщину! Героем будешь!

Парень стоял в нерешительности, задыхаясь в собственной злобе, Мирон сзади схватил его за шею, оттащил от Даши, вынул из рук бутылку и бросил в сторону. Старушка заголосила, некоторые девчонки убежали, а парнишка дёргал ногами, пытаясь освободиться от Мирона.

— Не отпускай его, пусть сперва осколки соберёт и извинится перед этой женщиной.

Но только Мирон отпустил, парень со словами: “Я тебя найду, сука”, — скрылся в темноте. Даша ему вслед расхохоталась:

— В Пиццу-love приходи завтра, там меня и найдёшь!

Даша и старушка познакомились, некоторое время беседовали о хамстве, о том, что родители и учителя распустили нынешних детей, каждая привела пример из своей жизни — как они проводили время в этом возрасте, порассуждали, какое будущее ждёт всю страну, когда такие вот подрастают, ну, а в конце старушка поблагодарила молодых людей и назвала Дашу отчаянной и очень смелой.

— Я себя прям “Интердевочкой” чувствую! Помнишь, когда она за мать свою заступилась.

Мирон испугался за Дашу и сильно отругал её, впервые говорил громко и строго, и ей это понравилось. Она была очень довольна тем, как закончился день.

Даша часто вела себя так, будто снимается в кино или играет спектакль: провоцирует конфликт на ровном месте, заводится быстро и так же быстро отходит. Мирон не успевал за её реакциями, терялся, не знал, как себя вести. Единственное, чего Даша не умела, — это плакать и очень по этому поводу переживала: вот будет у неё роль, нужно будет лить слёзы, а она не сможет. И что тогда? А о том единственном случае, когда она не сумела сдержать слёз, Мирон помнил, но не напоминал.

Ей было не жаль ни красоты своей, ни молодости, ни здоровья, ни жизни. Она не раз вступалась за незнакомых, выгоняла из подъезда наркоманов и алкашей, делала замечания тем, кто выставлял на лестничную клетку пакеты с мусором, а тем, кто продолжал это делать, вываливала мусор из пакета прямо под дверь. Соседи даже позвонили матери Мирона, мол, кто это у вас там живёт, но когда мать сама позвонила другим соседям, с которыми близко общалась бабушка Тамара, они сказали, что Даша очень хорошая девушка, всегда здороваётся, отвадила от двора всякий сброд и, похоже, что у неё с Мироном любовь.

Мать рвалась посмотреть, кому это Мирон сдал комнату и действительно ли любовь, но муж сдерживал её, от всего сердца понимая молодого сына, и она терпела, потому что всю жизнь повелевала и мужем, и сыном, а теперь, когда сама была уже почти старухой, а её муж с возрастом стал только интереснее, сцепив зубы, подчинялась ему.

В декабре Даша за комнату не заплатила и пошла на полугодовые курсы кройки и шитья.

— Я от своей мечты не отказываюсь. Но в жизни ведь всё пригодится. Мне все профессии пригодятся, когда я стану актрисой, мало ли, кого играть придётся. К тому же цена смешная и от дома недалеко. Я, кстати, стричь умею, правда, только мужские стрижки. Хочешь, и тебя постригу? Можем объявление на подъезде повесить, денег заработаем.

Мирону нравилось, что она говорит “мы”. Но Даша вскоре остыла к шитью, потому что от природы была неусидчива, нетерпелива, но упорно ходила, чтобы руки привыкли, чтобы в будущем вранья в кадре или на сцене не допустить, если придётся играть швею.

Новый год встречали каждый в своей семье. Январские праздники Даша работала, а Мирон уехал отдыхать с родителями и считал дни до приезда. Мирон по Даше соскучился, но изо всех сил сдерживал себя, чтобы усидеть

за столом, над книгами, но полноценно читать не мог. Даша, время от времени напевая что-то, возилась у кухонного стола, работал телевизор на тихом звуке. Вскоре она позвала соседа поесть, и Мирон вновь еле сдержал себя, чтобы тут же не вскопичить, а сказал:

— Ага, щас, — досчитал до ста, стараясь не ускоряться, и вышел на кухню. Ему хотелось поймать волну лёгкости, непринуждённости, на какой, казалось, жила Даша. Он распечатал вино, они выпили, он немного расслабился.

— А хорошо ты готовишь. Вот прям взял бы и женился!

— А что, я согласна! Но я буду тебя ревновать, а сама буду тебе изменять!

— А я буду тебя бить и деньги давать перестану!

— А я буду звать к нам гостей, и мы будем бухать и орать, даже когда тебе рано вставать!

— А я подам на развод!

— А я наложу на себя руки! Но перед этим сопьюсь!

— А я похороню тебя и женюсь на другой!

— А мой призрак будет пугать твою жену, и она сойдёт с ума!

Они смеялись, строили планы, будто бы в шутку, но кое-что сбылось.

Весной Мирон и Даша поженились. Даша не сильно мучилась выбором свадебного платья, в первом же магазине купила то, которое подошло по фигуре и стоило недорого. Её мать оказалась тихой, приятной, улыбчивой женщиной. На свадьбе, которую устроили в узком семейном кругу, она любовалась дочерью и не проронила ни слезинки: она, как и её дочь, плакать не умела. Его родители были против раннего брака и попросили сына хотя бы не заводить пока детей. Отец как-то спокойнее относился, а вот мать очень настороженно. Больше всего на свете Мирон не любил огорчать её, он потом очень болел и долго приходил в себя. И рад бы он привести девушку, которая пришлась бы матери по душе, но разве сердцу прикажешь? Разве можно объяснить любовь? А смешному совпадению Даша и её свекровь просто посмеялись, хотя свекровь считала, что Даша выследила её сына, влюбила его в себя, действовала грамотно, хитро-мудро, как когда-то она сама...

Через некоторое время в семье Даши случилась радость — умер несносный брат. Проводили его скромно, но со всеми почестями, похоронив, как положено, возле отца, которого он, в отличие от Даши, помнил очень хорошо и образ жизни которого блестяще скопировал. И ушёл в том же возрасте, кстати. Только вот потомства не оставил, а если оставил, то не знали о том ни он, ни мать, ни сестра. С уходом брата в доме стало тихо. Мирон с Дашей за неделю вычистили, отмыли всю квартиру, сделали там лёгкий ремонт, и Дашиной матери стало хорошо и светло там жить. К ней не сразу, но начали приходить ученики, и она занималась с ними математикой и почти все деньги отдавала дочери.

Ежегодно Даша усердно готовилась к поступлению, а её не зачисляли. Она устроилась работать в администрацию театра, надеясь завести там нужные знакомства, смотрела спектакли, но вскоре ей стало невыносимо, она тоже хотела на сцену. Даша уволилась. Работала и училась то здесь, то там, но ничего не приносило ей ни радости, ни спокойствия. Даша боролась с унынием, изо всех сил стараясь быть счастливой. Изо всех сил пыталась любить Мирона так, как он заслуживал, но всё её существо противилось доброй спокойной жизни, к которой она всегда стремилась. Она жалела, что не выпила с братом, не говорила с ним по душам, а просто следила, чтобы он не распускал руки, не водил никого, а когда он спал, она время от времени проверяла, дышит ли он. Бывало, что радовалась, обнаружив брата живым, бывало, и огорчалась. А теперь ей казалось, что в его смерти виновата она.

Даша выпивала с разными другими людьми и непременно заводила речь о брате и об отце, ей хотелось, чтобы все в компании говорили о них. А после таких посиделок Мирон уводил её домой, умывал, как когда-то Пафнутия, укладывал спать. Наутро она обнаруживала на столе завтрак, и ей было стыдно. Она звонила мужу, просила прощения, и он в который раз верил

своей жене. А вечером находил у себя дома компанию её друзей, с которыми, как она когда-то напророчила, они бухали и орали, несмотря на то, что Миرونу нужно было рано вставать.

Даша мужа ревновала, а сама изменяла ему. После первого раза ей было стыдно и жить не хотелось, а потом — ничего, привыкла.

Мирон пока держался. Он сильно похудел, едва не лишился работы, и его родители настаивали на том, чтобы отвезти Дашу к матери, развестись. Он с этим не согласился, купил машину в кредит и оплатил обучение Дашу в автошколе, а после сам обучал жену водить, надеясь, что за рулём ей понравится. Но Даша обучение бросила.

Однажды клиентом Мирона оказался какой-то слабо известный актёр, у которого магазин не желал принимать неисправную стиральную машину. Мирон рассказал о своей жене, и актёр пообещал позвать её на съёмку. Удивительно, но обещание он сдержал, Даша снялась в эпизоде какого-то сериала, ею остались довольны и даже заплатили небольшой гонорар. Потом её несколько раз звали в массовку, что было менее интересно, но Даше всё равно нравилось. Какое-то время Мирон, Даша и Пафнутий были счастливы, а обе матери спокойны.

Но продлилось это недолго. Кинематограф не принял молодую актрису, и Даше стало ещё больнее, чем было. Больно было за всё вместе: за то, что нет фронтового деда, а если и есть, она о нём не знает, за мать свою, за отца, брата, а больше всего за Мирона, который совсем не заслуживал такой жизни и такого отношения.

Порой она прекращала на какое-то время пить, всем сердцем осознавая, что рядом человек, беззаветно её любящий, принимающий, готовый ласкать, бесконечно смотреть на неё. Скупое её ласковое слово, скорая поверхностная похвала заряжала его. Он одновременно и таял, и готов был горы свернуть...

Даша давала себе слово, что больше ни капли в рот, а вскоре вновь пускалась во все тяжкие. Жалеть себя она не умела. Она умела только проклинать, винить, ненавидеть, уничтожать. У неё в голове не укладывалось, почему муж терпит всё, что она делает. Она откровенно грубила ему, унижала, отвергала, признавалась в своих изменах, а он продолжал любить её, надеяться на перемены. Даша кричала ему: “Выгони меня, давай разведёмся!” — и даже когда уходила сама, он возвращал её назад, и какое-то время они жили дружно и пытались стать родителями, но ничего у них не получалось. А когда Даша призналась, что сделала аборт уже после замужества, потому что ребёнка нагуляла, Мирон не поверил ей, уверял, что хорошо её знает и что она на такое не способна. И Даше стало ещё больнее жить с ним и просто жить. И она уже не хотела ни в кино, ни на сцену. И не цитировала больше фразы из своих любимых фильмов.

Она умудрилась испортить отношения со всеми, кто был вхож в их семью, и Мирон с ними тоже уже не общался. Поссорилась и со своими друзьями-алкоголиками и пила в одиночестве всё самое дешёвое и некачественное. И всю ночь просидела в прихожей на подстилке Пафнутия, когда Мирон не смог заняться любовью, — что-то сломалось в нём. Он даже не стал объяснять, просить прощения, просто ушёл спать, плотно прикрыв за собой дверь. И Даша хотела было раскричаться, как обычно, но не проронила ни слова, ни звука, ни слезинки, и сон не сморил её.

Мирон больше не покупал жене одежду, не реагировал ни на какие просьбы, только лекарствами, едой обеспечивал, как Пафнутия. Даша даже шутила, что у него две собаки, что совестно на улицу выбросить, раз уж подобрал, приручил. И уверяла:

— Ничего, ничто не вечно, я сгину, а ты будешь счастливым.

После этой фразы он её обнял. Даше очень хотелось заняться любовью, и Мирон эту готовность почувствовал, но понял вдруг, что она уже не была для него женщиной, не была она и собакой, а просто родным человеком, настолько родным и любимым, что половой акт между таким людьми неуместен.

Он не хотел без неё оставаться, не хотел жить без неё, но и с ней тоже он не жил, и понимал, что не живёт, а время уходит. И в такую важную для него минуту Даша принялась унижать его как мужчину, грозилась сей-

час же пойти к тому, кто её хочет, с которым у неё сто раз уже было, и ей смерть как понравилось, и Мирон озверел от этих слов, впервые был невероятно груб с нею, а Даше второй раз в жизни было по-настоящему хорошо от близости с мужчиной. Когда всё закончилось, она радостно смеялась своим звонким колокольчиковым смехом, в котором из-за образа жизни присутствовали теперь нотки хрипотцы, а Миرونу было стыдно и хотелось умереть.

Но умер не он. Внезапно, обычным летним днём на кухне, возле стола, в луже собственного тряпья, которое ещё совсем недавно было нормальной одеждой, скончался человек по имени Дарья. Покойницу увезли в морг, и там она провела выходные и понедельник. Во вторник утром тело было готово к выдаче. Первой к моргу приехала мать Даши, хотя и жила дальше всех. Ей сообщили, что при вскрытии её дочери обнаружили беременность на раннем сроке. Она попросила никому больше этого не говорить.

Сославшись на жару и плохое самочувствие, мать Даши на кладбище не поехала. А родители Мирона были рядом с сыном. Не утешали, не сочувствовали, ни в чём не обвиняли, просто были рядом. А Мирон думал почему-то о ленточке с мешочком, которую привязал когда-то к шее Пафнутия и которая исчезла, и не было потом никаких звонков.

Дарью отпели возле разрытой могилы. А кладбищенские рабочие в это время убрали сваленные в кучу ветки деревьев, старые венки, ленты, цветы. Это смотрелось так, будто они вычищают Дашину душу от заблуждений. Опоздала, но пришла Леночка, поддержать Мирона, с которым они вместе росли. На Леночке были тёмные очки, она на всякий случай их не снимала, даже когда солнце надолго скрывалось за облаками.

Мирон вернулся к родителям, квартиру решено было сдавать. Приехала какая-то непростительно счастливая пара, Мирон подписал с ними договор, взял задаток и отправился к пруду.

Всё там было по-прежнему: те же торговцы, тот же ресторан, даже бочка с квасом стояла, но уже без рисунка, желтая бочка с красной надписью “Квас”. Только вот лебедь с подрезанными крыльями дремал один, да мужик, который собирал мусор, оказался слабозлым: развалившись под деревом, курил и, кажется, несказанно был этому рад.